

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-49-57

ИНТЕРТЕКСТУЛЬНЫЕ СВЯЗИ В КНИГЕ «ПЛАГИАТ» В.А. ПЬЕЦУХА

Тищенко О.В.

*Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя
117437, Москва, ул. Академика Волгина, д.12.*

Аннотация. Предметом рассмотрения данной статьи являются интертекстуальные связи в книге «Плагиат» В.А. Пьецуха. В статье проводится сопоставительный анализ рассказа «Крыжовник» А.П.Чехова, романа «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина с текстами писателя-постмодерниста. Общее в текстах Чехова и Пьецуха – это заглавие произведения и описание вкуса крыжовника, интертекстуальность выражена опосредованно. По отношению к роману Салтыкова-Щедрина Пьецух становится продолжателем прерванного повествования сатирического толка. Ремейк произведений классической литературы становится для современного писателя отправной точкой его литературных изысканий.

Ключевые слова: постмодернизм, интертекстуальные связи, ремейк, цитата, пародия, первичный текст, вторичный текст.

INTERTEXTUAL CONNECTIONS IN V. PETSUKH'S BOOK «PLAGIARISM»

O. Tishchenko

*Kikot Moscow University of the MIA of Russia
Akademik Volgin St., 12, Moscow, Russia, 117437*

Abstract. The subject of this article is the intertextual connections in the book «Plagiarism» by V. Petsukh. The article presents a comparative analysis of Chekhov's story «Gooseberries», Saltykov-Shchedrin's novel «The Story of a city» with the poems of the postmodernist writer. Common in the texts of Chekhov and Petsukh is the title of the work and the description of the taste of gooseberry, intertextuality is expressed indirectly. In relation to the novel by Saltykov-Shchedrin, Petsukh becomes the successor of the interrupted narrative of the satirical sense. The remake of classical literature becomes for a modern writer a starting point of his literary studies.

Keywords: postmodernism; intertextual relations; remake; quote; parody; primary text, secondary text.

«Плагиат» В.А. Пьецуха (2006 г.) состоит из переделанных произведений русской классической литературы. В книге с провокационным заглавием¹ писатель

© Тищенко О.В., 2016.

¹ Плагиат – умышленное присвоение авторства на чужое произведение науки, литературы, искусства (в целом или в части); влечёт уголовную и гражданскую ответственность [2, с. 489].

обыгрывает, переписывает и переосмысливает произведения четырёх крупнейших писателей второй половины XIX века. Свои *литературные ремейки* Пьецух адресует Льву Николаевичу («Баллада о блудном сыне: Детство. Отрочество. Юность», «Утро помещика»), Николаю Васильевичу («Демонстрация возможностей»), Антону Павловичу («Наш человек в футляре», «Д. Б. С.», «Колдунья», «Крыжовник») и Михаилу Евграфовичу («История города Глупова в новые и новейшие времена», «Город Глупов в последние десять лет»). Своё решение переписать классиков Пьецух объясняет в предисловии так: «<...> великие предшественники так много начудили по линии художественной обработки, что им остро хочется надерзить. Например, Гоголь доказывал, что в XXI столетии русский человек станет совершенен духом, совсем как Александр Сергеевич Пушкин. А он почему-то получил нежева и обормот. Так же любопытно было бы перенести чеховских героев, сто лет тому назад бредивших светлым будущим, в наш злополучный век. То-то они заскучали бы по крыжовенному кусту.

Отсюда и «Плагиат» [5, с. 3-4].

Появление жанра литературного ремейка вовсе не является «показателем духовной деградации общества и символом утраты высших ценностей, но обязательным элементом культуры, имеющим свои специфические функции» [1]. Целью ремейка является не «перевод» классического произведения на язык современности как таковой, не упрощение, опошление или пародирование, а, наоборот, оживление, наполнение его новым содержанием и смыслом. При этом могут повторяться

сюжетные линии, коллизии, типажи, герои, обстоятельства и т. д. Предшествующий текст в этом случае становится прототекстом, а ремейк – его своеобразным повтором и / или продолжением. Между предшествующим текстом и последующим текстом устанавливаются неразрывные связи как на семантическом, так и на структурном уровне, а сами тексты относятся друг к другу как первичный и вторичный.

М.Н. Иванова выделила три типа соотношения первичного и вторичного текста в литературе постмодернизма по степени включённости прототекста в состав вторичного текста [3, с. 414-417]. **Первый тип** – это своеобразное переписывание прототекста с повтором заглавия, сюжета, системы образов, имён героев, широким цитированием, или *ремейк*. Ярким примером ремейка является роман «Накануне накануне» Е. Иванова. Вторым тип – это переосмысление прототекста через ряд аллюзий и реминисценций, например, «Крыжовник» В. Пьецуха. Третий вариант – это вовлечение читателя в игру ассоциаций и намёков через узнаваемое заглавие прототекста. Например, рассказы С. Солоуха «Каштанка», «Лошадиная фамилия» апеллируют к известным рассказам А.П. Чехова, однако в тексте нет прямых текстовых или сюжетных отсылок к известным текстам, есть лишь опосредованные намёки на них.

Проза Пьецуха тяготеет к орнаментальной, витиеватой, вычурной, многослойной форме. Лексическая и стилистическая неоднородность, использование фразеологизмов, сложный синтаксис, обилие вводных слов и конструкций, обособления, сравне-

ния, явные и скрытые цитаты, лирические отступления, диалог с предшествующими культурами, эпохами, лицами, писательская рефлексия являются характерными чертами идиостилия Пьецуха.

Чтобы обнаружить интертекстуальные связи в книге Пьецуха, сравним его рассказ «Крыжовник» с рассказом «Крыжовник» А.П. Чехова.

«Крыжовник» Чехова был опубликован в журнале «Русская мысль» (1898 г.) [8]. Рассказ входит в «Маленькую трилогию», состоящую из трёх произведений – «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви». Главный герой чеховского «Крыжовника» Николай Иванович Чимша-Гималайский, о котором рассказывает его брат Иван Иванович, с молодости мечтал о собственной дворянской усадьбе. Его мечта состояла из четырёх пунктов: а) барский дом, б) людская, в) огород, г) крыжовник. Для Николая Ивановича крыжовник был видимым воплощением идеала наравне с барской усадьбой. Мечта пожить барином полностью завладевает им, и вся жизнь превращается в нескончаемую погоню за ней. Николай Иванович недоедает, жадничает, копит деньги, в возрасте за сорок по расчёту женится на некрасивой богатой вдове, чтобы вложить её деньги в покупку имения. Через два года жизни впроголодь жена умирает, а Николай Иванович в конце концов покупает большой участок земли с усадьбой. Однако, зажив дворянином, хорошим хозяином он так и не стал, в его усадьбе всё устроено бестолково, да и крыжовник, символ барской жизни, вырастает кислый и невкусный. Всего этого он не замечает, считает себя заправским помещиком, благодетелем

своих крестьян, потому что лечит их касторкой и наливает полведра водки. Главная идея рассказа Чехова состоит в том, что человеку надо стремиться делать добро людям, чтобы не замкнуться в своём узеньком мещанском мирке, и помнить, что цель жизни не стяжательство, а помощь тем, кто в ней нуждается.

Рассказ «Крыжовник» В.А. Пьецуха принципиально отличается от рассказа Чехова и по объёму, и по содержанию. Начинается рассказ определением понятия *комсомольский работник*: «Сейчас уже никто не знает, что такое комсомольский работник, а ещё лет двадцать тому назад каждой собаке было известно, что это целый подвид молодого или не то чтобы молодого человека, прикосновенного к высшим сферам, которого отличают некая затаённая пассионарность, хорошее лицо и вечный багряный значок на лацкане пиджака» [5, с. 89].

Героя пьецуховского рассказа зовут Саша Петушков, он комсомольский работник 1980-х. Находясь в служебной командировке в Магадане, Петушков, напившись, теряет паспорт, оказывается без денег и документов за пятьсот километров от Магадана. Затем он попадает в компанию алкоголиков, спивается вместе с ними, но при этом сохраняет лидерство в своей среде. Он теряет здоровье, переживает роман с некоей Ниной Соколовой, в порыве чувств выкалывает себе один глаз, за что получает кличку Даян. Через три года запойной жизни он случайно сталкивается с бывшим сослуживцем, который помогает ему восстановить паспорт. Однако Петушков, вместо того чтобы вернуться в Москву, попадает в языческую секту на два с поло-

виной года. Наконец он сбегает оттуда и возвращается в столицу в лихие 1990-е. Первопрестольную Саша Петушков совершенно не узнаёт, но тут судьба делает крутой поворот: герой случайно посещает лекцию на тему «Частное предпринимательство в современной России». Он решает заняться бизнесом, продаёт квартиру, снимает офис и через некоторое время добивается успеха. После отказа платить дань криминалу Петушков продаёт свою фирму и уезжает в Снегири. Позже он после долгих раздумий организует движение социал-монархической молодёжи, становится её лидером. После того как деньги в партийной кассе закончились, он снова бросает всё и уезжает в Снегири. Крыжовник, заявленный в заглавии, появляется почти в самом конце рассказа. Именно в Снегирях Саша Петушков случайно пробует крыжовник. «Вкус этой ягоды поразил его: точно вся гамма мыслимых ощущений соединилась в её благоуханной мякоти, от привкуса поцелуя до электрического эффекта, немедленно нахлынули щемлящие детские воспоминания, и в нос пахнуло чем-то одновременно и русским, и не совсем» [5, с. 109]. Именно в выращивании крыжовника герой Пьецуха нашёл своё истинное призвание. Петушков так увлёкся выращиванием ягоды, что смог вывести четыре новых сорта и стал членом Эгтон-Бриджского общества селекционеров.

В финале рассказа перед нами не партийный работник, агитатор, бизнесмен, а успешный крестьянин-труженик, работающий в саду от рассвета до заката. Иногда Саша Петушков садится на крылечко, вспоминает свою молодость, свои метания и не может понять: зачем он всё это делал?

Сравнив сюжеты рассказов Чехова и Пьецуха, мы видим принципиальную разницу между ними: крыжовник в рассказе Чехова символизирует впустую потраченную жизнь псевдодворянина, который достиг материального благополучия, но ничего путного в жизни не сделал. Крыжовник в рассказе Пьецуха символизирует обретение смысла в конкретном труде, приносящем пользу и себе и людям. Название рассказов – это своего рода антитеза двух путей человека. У Чехова Николай Иванович Чимша-Гималайский чётко и логически последовательно идёт к своей цели. У Пьецуха жизнь сама носит и крутит Сашу Петушкова, но к своей главной цели он приходит скорее бессознательно, вкус крыжовника поразил его настолько, что это ощущение изменило всю его жизнь. Ключевой момент обоих рассказов – это описание вкуса крыжовника. Выращенная в усадьбе ягода, которой Николай Иванович угощает своего брата, жёсткая и кислая. Однако помещик сам себе объясняет, что крыжовник вкусный, он даже встаёт ночью, чтобы взять с тарелки ягодки и насладиться исполнением своей заветной мечты, ведь она далась ему с таким трудом. Он счастлив своим эфемерным существованием дворянина-помещика.

Ягода, которую случайно пробует Саша Петушков, вызывает своим видом и вкусом настолько яркие ощущения, что они вытесняют всё наносное и глупое из головы. Крыжовник бывший партийный работник выращивает сам, работая в саду до седьмого пота. Его успехи вполне реальны и осязаемы, он обеспечивает себя своим трудом и счастлив, потому что обрёл смысл жизни.

В чём-то судьбы двух героев похожи, например, оба так и не создали семьи (брак по расчёту Николая Ивановича семьей не назовешь). В рассказе Чехова главный герой, добившись материального благополучия, теряет самого себя, в рассказе Пьецуха главный герой после всех жизненных коллизий находит себя. Таким образом, два рассказа с одинаковым названием принципиально отличаются друг от друга, интертекстуальность носит скорее отсылочный характер. Пьецух перенёс героя чеховского рассказа в наше время, но наделил своего героя взаимоисключающими чертами, типичными для русского человека: безалаберностью, склонностью к взбалмошным поступкам, тягой к алкоголю, разгильдяйством и в то же время лидерскими качествами, способностью к упорному труду, силой духа и мечтательностью.

Поскольку идиостилию Пьецуха присущи ироничность, язвительность и известное ёрничество, особенно внимания заслуживают его повести «История города Глупова в новые и новейшие времена» и «Город Глупов в последние десять лет». Первая повесть состоит из следующих глав: «От изыскателя», «Опись градоначальникам, а впоследствии председателям горсовета», «Невзгоды эпохи единообразия», «Осложнения из-за «эгалите»», «Смерть певца», «Невзгоды эпохи эмансипации», «Обоюдный террор», «Новые фантастические путешественники», «Невзгоды эпохи бумдекаданса», «Невзгоды переходного периода», «Шесть комиссаров», «Эра председателя Милославского», «Пир победителей», «Глуповцы за границей», «Искусственный человек», «Невзгоды на производстве», «Текущие невзгоды»,

«Оправдательные документы». Вторая повесть состоит из следующих глав: «От изыскателя», «Опись градоначальникам», «Общеполитические невзгоды», «Последние времена», «Ушли люди», «Невзгоды по хозяйству», «Пятый сон Веры Павловны», «Оправдательные документы». Обе повести адресованы Михаилу Евграфовичу, тем самым они продолжают повествование сатирического толка в XX в.

Сатирический роман Салтыкова-Щедрина «История одного города»¹ умело пародирует историческую хронику Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, С.М. Соловьёва². Комический эффект достигается столкновением высокого и низкого в языке: высокопарного слога повествования с низким содержанием глупых действий как самого народа (откуда и его название), так и начальников. Комизм усиливается говорящими именами правителей (Прыщ, Угрюм-Бурчеев, Дунька толстопятая, Нелька Лядоховская и т. д.). По мере повествования

¹ Произведение состоит из следующих частей: «Обращение к читателю», «О корени происхождения глуповцев», «Опись градоначальникам», «Органчик», «Сказание о шести градоначальниках», «Известие о Двоекурове», «Голодный город», «Соломенный город», «Фантастический путешественник», «Войны за просвещение», «Эпоха увольнения от войн», «Поклонение мамоне и покаяние», «Подтверждение покаяния», «Заключение», «Оправдательные документы».

² В «Истории одного города» Салтыков-Щедрин прибегнул к художественной «маскировке». Своё произведение он выдал за найденные в архиве тетради летописцев, якобы живших в XVIII в., а сам он выступил в качестве скромного «издателя» этих записок. Царей и царских министров писатель представил в образах градоначальников, а установленный ими государственный режим — в образе города Глупова.

Салтыков-Щедрин показывает, что дикий, невежественный народ не способен выбрать себе умного и толкового правителя, поэтому к власти приходят то воры, то прелюбодеи, то прохвосты, то дураки, то негодяи.

В первой главе «О корени происхождения глуповцев» Салтыков-Щедрин саркастически копирует манеру «Слова о полку Игореве»¹. Пьецух заимствует ироничную манеру Салтыкова-Щедрина для того, чтобы иносказательно описать эпоху перемен в России XIX-XX вв., включая «перестройку» и постперестроечное время.

Вступление Пьецух называет так же, как Салтыков-Щедрин — «От изыскателя», копируя форму и продолжая дело сатирика XIX в.:

«Уж на что Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин был бесстрашный писатель, и а то довёл свою «Историю одного города» только до слишком свежего ещё 1825 года, на которое пало «происшествие 14 декабря», как уклончиво называли в его времена восстание декабристов, и малодушно осёкся на сообщении, что де «история прекратила течение своё». Но не тут-то было, история отнюдь не прекратила течение своё, и, как теперь стало доподлинно известно, после двадцать пятого года прошлого столетия в городе Глупове тоже происходили разные по-своему замечательные события, о которых пришла пора поведать

¹ «Не хочу я, подобно Костомарову, серым волком рыскать по земли, ни, подобно Соловьёву, шизым орлом ширять под облака, ни, подобно Пыпину, растекаться мыслью по древу, но хочу ущекотать прелюбезных мне глуповцев, показав миру их славные дела и предобрый тот корень, от которого знаменитое сие древо произросло и ветвями своими всю землю покыло» [6, с. 298].

заинтересованному современнику» [5, с. 112].

Вопросы, на которые писатель хочет найти ответ, следующие:

1) «почему Глуповом испокон веков командовали в той или иной мере невежи и дураки?»

2) Почему глуповцы мирились с тем, что ими командуют в той или иной мере невежи и дураки, а то и вели себя таким неподобающим образом, что никто другой ими руководить бы и не посмел?» [5, с. 266]

Текст Пьецуха стилистически разнороден, в одном предложении сталкиваются слова устаревшие, книжные, разговорные, сниженные, что стирает границу между серьёзным и шутивным восприятием текста. Так, в одном предложении Пьецух сочетает разностилевые лексемы: устаревшее *мздоимство*, книжные *властелин*, *извергнуться*, *погрязнуть*, термины *диктатура*, *республика*, *гуманизирующий*, разговорное *позарез*, просторечное *забубённый* и авторское *человекоуничительный*:

«Конечно, из-за того, что властелин, положим, совершенно погрязнет в мздоимстве, второго пришествия не случится и Везувий вдруг не извергнется, если властелину этого захочется позарез, но самую человекоуничительную диктатуру он может наполнить каким-то гуманизирующим содержанием, а разнузданно демократическую республику превратить в общество забубённых эгоистов» [5, с. 158].

Подобно Салтыкову-Щедрину Пьецух рассматривает историю Государства Российского в иносказательной манере, что вполне объяснимо. Иносказание позволяет, не называя

напрямую участников событий, дистанцироваться от ситуации, избегать излишней политизированности, фактуальности, публицистичности, привести в историю больше повествовательности, художественности, анализа, рассуждения.

В тексте Пьецуха есть цитаты и из других произведений литературы. В главе «Новые фантастические путешественники» есть интертекстуальная отсылка к строкам из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?»:

Эх! эх! придёт ли времечко, <...>

Когда мужик не Блюхера,

И не милорда глупого —

Белинского и Гоголя

С базара понесёт? [4, с. 42-43]

В тексте строки трансформируются в прозаическую вставку, однако вполне узнаваемую:

«<...> Иван Осипович спохватился, но было поздно — Белинского и Гоголя мужик понёс с базара раньше, чем об этом прознали власти» [5, с. 159-160].

В главе «Невзгоды переходного периода» цитируется реплика из шекспировской трагедии «Король Ричард III» (действие 5, картина 4): «Коня, коня! Полцарства за коня!» В тексте Пьецуха она теряет свою напряжённую эмоциональность и становится бормотанием раздавленного жизнью человека:

«<...> Сиракузов, ещё вчера владевший доходным домом, выстроенным в стиле модерн, и лавкой колониальных товаров, бродит по городу в рубище, убито улыбается и бормочет:

Коня, коня! Полцарства за коня!¹ [5, с. 176]

¹ Эта крылатая фраза цитировалась в произведениях русской литературы и раньше, в частности, в стихотворении В. Высоцкого «О вкусах не спорят» (1966).

Чтобы придать достоверность своему повествованию, писатель упоминает, наряду с выдуманными фамилиями, реальные исторические лица, например, Н.И. Бухарина, Ф.Э. Дзержинского.

Интересно отметить, что, описывая жизнь в нашей стране в советский период, Пьецух не говорит ни слова о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Делает он это, вероятно, по двум причинам. Во-первых, эта тема не предполагает никакого ёрничанья, во-вторых, ситуация внутри страны описывается с точки зрения обычного, среднестатистического человека, живущего инертно, пассивно, не выходя за рамки привычного. Пьецух рисует нам портрет обывателя, который предпочитает, чтобы за него думали и решали «наверху». Писатель хочет понять закон логики истории, кто вращает маховик государства, кто решает, какой стране быть, каким путём ей развиваться? В сущности, герой повести Пьецуха – это своеобразный Иван-простота, который в равной степени склонен к хорошим и дурным поступкам. Даже пристрастие к чтению, которое за годы советской власти «сделалось третьей национальной страстью после пьянства и воровства», писатель объясняет «длинными зимами», «долгими вечерами» и «жестоким безденежьем» [5, с. 288].

Вывод, к которому приходит летописец, излагается в главе «Оправдательные документы»: «Характернейшая особенность истории Глупова, как, впрочем, и всей российской истории, заключается в том, что народу как-то настойчиво, роковым образом не везло с вождями. Неоспоримо, что в этом смысле и прочие нации пострада-

лись – и французы претерпели от своего монарха Варфоломеевскую ночь, и испанцы намучились с сумасшедшими королями, и англичанам Кромвель дал прикурить, но всё же это были скорее эпизоды, чем правило, а не сплошное административное горе, как в нашей глуповской забубённой стороне. Почему это так – вопрос обширный, а главное, опасный для изучения, так как он может накликать самые непрезентабельные ответы» [5, с. 265-266].

Во второй части «Город Глупов в последние десять лет»¹ события 1990-х гг. описываются в той же ироничной манере, что и в «Истории г. Глупова в новые и новейшие времена», но тон повествования становится жёстче, циничнее. Выражается это в том числе в использовании ругательного существительного *сука-история*: «По-хорошему им бы ещё пожить-осмотреться при более или менее цивилизованном градоправителе Колобкове, приобрести основные гражданские навыки, воспитать в себе рефлекс меры, освежиться, – но сука-история не дала» [5, с. 280].

В главе «Пятый сон Веры Павловны» [7] заглавие содержит отсылку к знаме-

нитым снам² главной героини в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863 г.). Вера Павловна у Пьецуха представлена женой последнего правителя Порфирия Ивановича Гребешкова. Ей снится, как всенародный митинг переходит в массовое заболевание маниакально-депрессивным психозом и массовую эмиграцию населения. Последняя глава «Оправдательные документы» состоит из одного слова – *нету*.

Анализ интертекстуальных связей в книге «Плагиат» показал, что В.А. Пьецух использует наследие классической русской литературы лишь как отправную точку для создания своих текстов. Литературные ремейки Чехова и Салтыкова-Щедрина помогают писателю найти ответы на извечные вопросы о предназначении человека, о судьбе русского народа или об исторических закономерностях развития цивилизации. Провокационное заглавие книги, конечно, не соответствует её содержанию (настоящий писатель не позволит себе литературного воровства). Речь идёт, скорее, о постмодернистском переосмыслении классической литературы, цель которого – восстановление утраченной связи времён.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Загидулина М.В. Ремейки, или Экспансия классики [Электронный ресурс] // НЛО. 2004. № 69. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13.html> (дата обращения 01.12.2015)
2. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и выражений. М., 2003. 784 с.
3. Иванова Н.М. Отношения текста и прототекста в литературе постмодернизма // Вестник Тверского государственного университета, серия «Филология». 2014. № 3. С. 414–417.
4. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо / Худож. К.С. Бокарев; оформл. П.С. Сацко-го. М.: Сов. Россия, 1984. 288 с.

¹ Впервые опубликовано в журнале «Дружба народов» в 1998 г., № 12.

² В первых двух снах Вера Павловна порывает со своим тёмным прошлым. В третьем сне рассказывает о замужестве Веры Павловны, четвёртый сон Веры Павловны раскрывает её представления о царстве справедливости.

5. Пьецух В.А. Плагиат. Повести и рассказы. М., 2006. 304 с.
6. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 2. М., 1988. 544 с.
7. Чернышевский Н.Г. Что делать? Л.: Наука, 1975. 872 с.
8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Том 10. М.: Наука, 1986. 500 с.

REFERENCES:

1. Zagidullina M.V. Remeiki, ili Ekspansiya klassiki [Electronic resource] [Remakes or Expansion classics] [Electronic resource] // NLO. 2004. No. 69. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13.html> (request date 01.12.2015).
2. Zakharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. Novyi slovar' inostrannykh slov: 25 000 slov i vyrazhenii [A new dictionary of foreign words: 25,000 words and expressions]. М., 2003. 784 p.
3. Ivanova N.M. Otnosheniya teksta i prototeksta v literature postmodernizma [The relationship of text and prototext in the literature of postmodernism] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya «Filologiya». 2014. no. 3. pp. 414–417.
4. Nekrasov N.A. Komu na Rusi zhit' khorosho / KHudozh. K.S. Bokarev; Ofornl. P.S. Satskogo [To whom in Russia is well to live / Ill. by K. S. Bokarev; decor. by P. S. Satsky]. М., Sov. Rossiya, 1984. 288 p.
5. P'etsukh V.A. Plagiat. Povesti i rasskazy [The plagiarism. Novels and stories]. М., 2006. 304 p.
6. Saltykov-SHCHeдрin M.E. Sobraenie sochinenii: v 10 tomakh. T. 2 [Collected works: in 10 volumes. Vol. 2nd]. М., 1988. 544 p.
7. Chernyshevskii N.G. Chto delat'? [What to do?]. L., Nauka, 1975. 872 p.
8. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 tomakh. T. 10 [Complete works and letters: in 30 volumes. Vol. 10th]. М., Nauka, 1986. 500 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тищенко Ольга Викторовна - преподаватель кафедры русского языка Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; e-mail: oltis@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga Tishchenko – lecturer at the department of the Russian Language of Kikot Moscow University of the MIA of Russia; e-mail: oltis@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Тищенко О.В. Интертекстуальные связи в книге «Плагиат» В.А. Пьецуха // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 49–57.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-49-57

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

O. Tishchenko. INTERTEXTUAL CONNECTIONS IN V. PETSUKH'S BOOK «PLAGIARISM» // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 49–57.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-49-57